

Воронин, с его душевной болью за судьбы русских женщин, с его сочувствием человеку, страдавшему и нередко обиженному» (Кречетов В. Н.— С. 32).

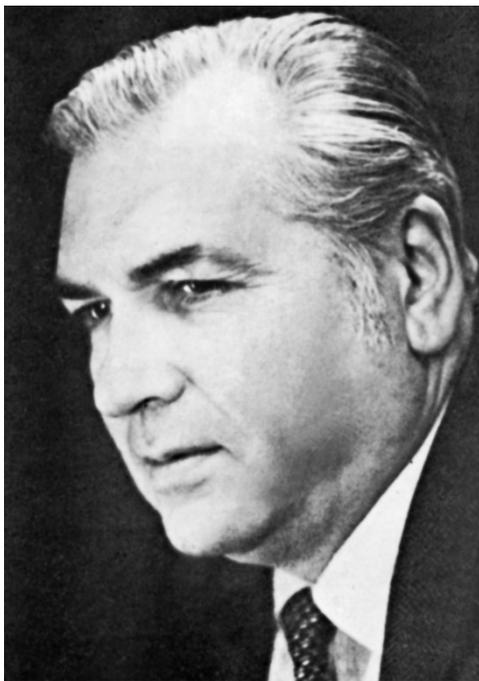
Соч.: СС: в 3 т. / вступ. статья Л. Емельянова. М., 1981; Ради земли своей: повести и рассказы. М., 1983; Единственная ночь: роман, повести, рассказы / вступ. статья Ю. Петровского. Л., 1983; Жизнеописание Ивана Петровича Павлова: документальная повесть. Л., 1984; Остров Любви: повести и рассказы. Л., 1985; Время итогов: рассказы, очерки, статьи. Л., 1987; В ожидании чуда: рассказы / вступ. статья Л. Фоменко. Л., 1988; Заброшенная вышка: роман, повести / послесл. В. Кречетова. М., 1989; Тихие люди: Повести и рассказы. Л., 1989.

Лит.: Емельянов Л. И. Сергей Воронин: Очерк творчества. Л., 1983; Кречетов В. Н. Уроки доброты // Верность выбора: Лит.-критич. статьи. М., 1986. С. 40–70; Помозов Ю. Ф. Знал, видел, разговаривал: Рассказы о писателях. Л., 1985. С. 123–142; Ростовцев Ю. Пусть чаще побеждает доброта... // О лит-ре для детей. Л., 1979. Вып. 13. С. 65–80; Хватов А. И. Пути народности и реализма. Л., 1980. С. 333–343; Кречетов В. Н. Яйцо Леды. СПб., 2003. С. 28–33.

А. И. Хватов

ВОРОНОВ Юрий Петрович [13.1.1929, Ленинград — 5.2.1993, Москва] — поэт, журналист.

Отец — профсоюзный работник, в годы Великой Отечественной войны служил в Кронштадте, затем преподавал в Ленинградской профсоюзной школе, мать — бухгалтер. Во время блокады шестиклассник В. становится бойцом аварийно-восстановительной службы. Это значило, что по сигналу воздушной тревоги или артиллерийского налета, когда 4 снаряда в минуту врезались в стены и улицы города, нужно было не спускаться в бомбоубежище, а, наоборот, вставать навстречу смерти, чтобы попытаться спасти кого-то из уцелевших под развалинами. 2 года спустя газ. «Ленинская смена» публикует заметку **«Забывая об опасности...»**, рядом с которой на снимке ее герой — раненый, засыпанный осколками стекла черноглазый мальчик — будущий поэт блокады. А 25 нояб. 1941 семья самого В. постигло горе — «черный всплеск» взметнулся над его домом. Мать и бабушку откопали сразу — живыми, а 3-летнего брата и полуторамесячную сестренку — только на 5-й день уже мертвыми. На всю жизнь с ним останется этот «долг» — не успев покормить голодного малыша: «Эту бомбу метнули с неба / Из-за туч / Среди бела дня. / Я спешил из булочной /

Ю. П. Воронов

с хлебом. / Не успел. / Ты прости меня». Вместе с отцом, добравшимся из Кронштадта, раскапывали завал руками, т. к. аварийную бригаду на третий день «отозвали» — надежды уже не было. Хоронили тоже вдвоем: «Я забыть / никогда не смогу / скрип саней / на январском снегу... / Будто все это / было вчера... / В белой простыне — / брат и сестра...»

Шел 85-й день блокады, а потом были остальные. Но не только голод, ранения, дистрофия — был досрочный прием в комсомол (1942), была работа в молодежных бытовых отрядах (они оказывали помощь ослабевшим), была медаль «За оборону Ленинграда» (1943); «Нам в сорок третьем / выдали медали / и только в сорок пятом — паспорта». А еще («музы не молчали») — были занятия в лит. студии при Ленинградском отделении СП (1943–48) под руководством Вс. Рождественского, были стихи, были выступления по знаменитому блокадному радио.

В 1947 В. поступает на отделение журналистики филол. ф-та Ленинградского ун-та, где сразу становится признанным лидером молодежи — в учебных аудиториях, в науч. обществе, в первых студенческих стройотрядах. С марта 1952 (диплом будет вручен только в июне) В. начинает работать заведующим отделом студенческой молодежи в газ. «Смена», затем — ответственным секретарем

газ. Его избирают секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ. Начинается стремительное и заслуженное восхождение В. по ступеням журналистской и партийной карьеры: заместитель ред. «Комсомольской правды» уже в Москве (1954–59), с 1959 член правления Союза журналистов, главный редактор «Комсомольской правды» (1959–65), с 1965 — ответственный секретарь газ. «Правда». Все это обрывается на первый взгляд неожиданно. 21 июля 1965 «Комсомольская правда», которую редактировал В., опубликовала очерк **«В рейсе и после»** — о вопиющих беззакониях, в т. ч. и стоивших молодых человеческих жизней, на знаменитой тогда китобойной флотилии «Слава». «Комсомольская правда» отважилась выступить против генерал-директора флотилии, которого восхваляли на всех уровнях, называли «маяком» и который не только выдавал липовые показатели, но и создал собственное «царство в государстве», где царил полный произвол. В итоге директор был снят со своей должности. Но эта мера далась дорогой ценой — на газ. и ее редактора обрушились высокопоставленные защитники — состоялось заседание секретариата ЦК КПСС, на котором была сделана попытка выгородить генерал-директора (см. об этом: В. Ганюшкин. Народ не безмолвствует, когда говорят люди // Новое время. 1988. № 40. С. 27–28; А. Сахнин. Но это было только начало // Известия. 1988. 23–24 сент.). Эта попытка не удалась, но с В. «рассчитались»: оказывается, его назначение на пост ответственного секретаря «Правды» было лишь видимым повышением — оттуда его было удобнее «направить» на работу заведующим корреспондентским пунктом этой же газ. в Германию, где его продержали полтора десятилетия: «Дорога поет, / если к дому дорога, / и плачет, / когда от родного порога. / И если тебе / эта боль не знакома, / не жил ты вдали и подолгу / от дома...»

За эти годы В. стал автором мн. книг, вошел в СП, был избран членом правления СП (1976). По возвращении на Родину работал секретарем правления СП, редактировал «Лит. газ.», некоторое время работал заведующим отдела культуры ЦК КПСС, в 1989 его избрали народным депутатом.

В. принадлежит более 200 выступлений в периодике. И все-таки главная заслуга его перед людьми — стихи. Он начал писать их рано, задолго до того 1950, от которого он официально отсчитывал начало своего творческого пути. Уже в 1945 в ленинградской газ. «Вагоностроитель» от 13 нояб. было на-

печатано его стих. **«Возвращение»**. Потом он долго, почти 20 лет не публиковал стихи (исключение — студенческие газ.), утверждая, что «О. Берггольц и Н. Тихонов уже все сказали». Лишь 7 мая 1965 появилась первая подборка в «Правде», затем цикл из 12 стих. под названием **«Блокадные записки»** в ж. «Знамя» (1965. № 6), а в 1968 — еще несколько в ленинградском альм. «День поэзии». Но когда в том же 1968 вышла первая книга стихов В. **«Блокада»**, а чуть позже — **«Память»**, когда блокадные стихи В. были собраны воедино — они буквально обожгли читателей. У В. оказался свой ракурс в изображении ленинградской трагедии. Это не просто еще один дневник или воспоминание. Поэтическая история ленинградской блокады, над которой В. работал 30 лет, в ее окончательном варианте оказалась неотделимо вписанной в контекст современности. Пафос ключевых блокадных строк — «Я не напрасно беспокоюсь, / чтоб не забылась та война: / ведь эта память — наша совесть. / Она, как сила нам нужна» — обычно связывают только с реакцией на гонку вооружений и возможность атомной войны. В. слышал «молящий крик земли» о спасении от смертельного атома (и причем не только «военного» — стих. **«Хиросима»** было написано буквально в преддверии Чернобыля). Он слышал и «отчаянный крик пораженного пулей оленя» (как В. Астафьев, В. Распутин, В. Высоцкий) или уничтоженного подонком для возведения в ленинградском дворе персонального гаража куста сирени. Он еще в блокаду нашел душевные силы пожалеть не только людей, но и каменного льва, которому «осколком лапу оторвало». В. и позднее все время чувствовал боль своего города от полвека не залеченных ран на его стенах (**«Ленинградская осень»**), ощущал «укор осыпающихся колоннад»: «В дни блокады / сохранили город, / неужели не спасем сейчас?» И все-таки самым главным для В. было то, что вместе с забвением памяти о войне человечество стало утрачивать и представление о цене человеческой жизни вообще, в т.ч. и о жизни «молодых ребят», как обычно говорил бывший молодежный лидер. В логическом финале блокадных стихов — **«День победы»** (1985) есть ключевые строки: «Но лишь слыша / победный салют, / мы вдруг поняли: / с этой минуты / ни тебя, ни других / не убьют». Эти строки возникли в разгар Афганской войны и в то время, когда уже вспыхивали первые зарева серьезных межнациональных конфликтов: «И о мертвых / далеких и близких, / боль оч-

нулась, / ударив в сердца...» Именно поэтому так важна Память — горький опыт истории, ее урок, предостережение: «Мертвые живых не упрекнул, / если те смеются и поют ... / Но бывает все же: / им венки. / А они сжимают кулаки». Нужен не формальный ритуал, а живое ощущение того, что это такое: «Отбой. / За нынешний вечер / девятый», когда «вместо супа — бурда из столярного клея». Потому что блокадников должны понять, что чувствовали люди, когда «на праздничный салют пол-Ленинграда не поднялось», когда один за другим умирали самые родные и близкие.

У В. есть очень хорошие стихи не только о блокаде — о любви и дружбе, о природе, о творчестве. Они — в ряде сб.: «**Улица России**» и «**Долгое эхо**» (оба — 1979), «**Весы**» (1986), «**Избранное**» и «**Белые ночи**» (оба — 1987), в периодических изд. Но это — просто хорошие стихи. Стихи же «Памяти» и «Блокады» — гражданский и нравственный подвиг. Они навечно встали рядом с мемориалом на Пискаревском кладбище, Зеленым поясом Славы, с Монументом героическим защитникам города на Московском проспекте — там высечены строки В.: «О, камни, будьте стойкими, как люди!»

Во всех откликах на стихотворения В. критика обязательно подчеркивала одно: это — поэзия «без вычурных метафор» и прочих «украшений». Действительно, существует поэзия металогичная и автологичная. Поэтика В. сформировалась в системе последней. Но, кроме графической точности и строгости, его стихам присущ огромный внутренний накал, почти невероятная драматическая напряженность, редкая эмоциональная выразительность. Дыхание, которое перехватывает от горя, передается прерывистой обрывающейся строкой: «Как стои, / как рыданье, / как всхлип». Нравственная сила и мужество защитников города — экспрессивной меняющейся динамикой ритма. Особенную энергию стиху придают почти обязательные афористические зачины или концовки: «Строка бывает — как рука, / в беде протянута другом»; «Все объяснимо, / кроме лжи, / и лишь она непоправима»; «Искусство не прячет секретов. / Секреты таит ремесло». Передавая различные оттенки переживаний и состояний лирического героя, В. использует и разные размеры стиха — от классического русского ямба до верлибра. Он мастерски выстраивает лирический сюжет — от безукоризненно точно найденной детали до самого широкого, временами почти космического обобщения. Таково, например, стих. «**Баллада о музыке**». Оно начинается с нескольких

подчеркнуто прозаических подробностей выступлений знаменитого блокадного оркестра «под гул канонады» в полутемном зале Филармонии. Трагические реалии быта: саночки, на которых музыканты везли через заледневший город валторны и скрипки, врач, сидящий «на всякий случай», в последнем ряду выступающих, представители в случае горькой необходимости «возможной замены», ушанки и пальто на старинном бархате кресел... Но от строки к строке, как и в музыке, все больше усиливается лирическое *crescendo*, чтобы в конце обвално обрушиться на читателя всей силой *fortissimo*: «И музыка / встала над мраком развалин, / крушила / безмолвие темных квартир. / И слушал ее ошарашенный мир». А затем — две строки финала — почти шепотом, как на последнем дыхании: «Вы так бы смогли, / если б вы умирали?..»

Стихи В. — это не только гражданский подвиг, но и самая высокая поэзия.

Соч.: Сила жизни: Очерки, статьи, стихи. М., 1966; Блокада: стихи. Л., 1968. (Переизд. 1973, 1977, 1982, 1985, 1987); Память. Л., 1971; Ленинградская высота. Стихи о блокаде: статья // Комсомольская правда. 1984. 24 янв.; Тревоги мира — наши тревоги: статья // Лит. Россия. 1986. 28 февр.; Величие духа: статья // Ради жизни на земле: сб. Л., 1986; Избранное. М., 1987; 1989.

Лит.: Рождественский Вс. Живое прошлое // Нева. 1969. № 5; Городничий А. Ода мужеству // Ленинградская правда. 1971. 17 дек.; Слуцкий Б. Ю. Воронов. «Память» // Новый мир. 1972. № 6; Викулов С. Книга, возвышающая человека // Молодая гвардия. 1974. № 6; Цурикова Г. Нельзя забывать // Нева. 1974. № 11; Ильина М. Присяга на вечность // Ленинградская правда. 1977. 26 авг.; Дементьев В. Раздумья зрелости // Знамя. 1987. № 9; Друнина Ю. Считаться кем-то или кем-то быть? // Лит. газ. 1987. 28 окт.

К. Ф. Бикбулатова

ВОРОНСКИЙ Александр Константинович (псевдонимы Нурмин, Валентин, Анисимов) [27.8(8.9).1884, с. Хорошавка Кирсановского у. Тамбовской губ.— 13.8.1937, Москва] — прозаик, критик, редактор.

Родился в семье сельского священника. В., скорее всего, как это нередко бывало с фамилиями русских священников, не родовая фамилия, она образована от названия реки Вороны, на которой расположено село, где был приход его отца. В 1900 после окончания 1-го духовного училища в Тамбове он поступает в Тамбовскую духовную семинарию; незадолго до событий первой русской рево-